

КИПУЧЬЕ ГОДЫ

Демьян БЕДНЫЙ с сыном Дмитрием. Москва. Весна 1931 года.

знакомил своих слушателей — рабочих фабрик и заводов, где выступал Комментари его всегда были впечатляющи. Вот, например, несколько строк из стенограммы его выступления на партийной конференции Ленинского района столицы 4 января 1931 года:

«До чего буржуазия внимательно следит за нами, беда! Вчера получаю немецкую газету «Берлинер тагеblatt» от 27-го декабря. На первой странице громадная шапка: «Московский твердый кулак». Что за штука, думаю? Какой кулак? Оказывается, тот жестокий зажим, в который мы берем нарушителей трудовой дисциплины. Вот за кого заступается немецкий буржуа: за наших систематических нарушителей дисциплины. (Смех). Это пишется там, где на улице находится четыре миллиона безработных, голодающих, умирающих, где происходят на этой почве массовые групповые самоубийства. Организаторы немецкой безработицы, пролетарского голода и самоубийства тех, кто не стал на единственную, верную дорогу, дорожку борьбы, эти жалостливые люди видят наш жесткий кулак в том, что мы намерены привлечь к суду тех, кто при нарушении труд-дисциплины обнаружил злые намерения...»

В этой же речи, говоря об излишней опеке над предприятиями, отец привел случай, когда на одном заводе одновременно производили обследование... 14 комиссий. «Как вы думаете, товарищи делегаты? — спросил отец — Если у семи нянек — дитя без глаза, то сколько же глаз останется при 14 няньках?» Зал ответил хохотом.

Закончил отец свою речь словами из газеты «Правда»:

«В нашем государстве мы — партия порядка. Этот порядок достался нам дорогой ценой. И

мы обязаны всеми средствами охранять его против всех врагов — и внутренних, и внешних, которые посягают на него, разрушая то, что добыто с такими усилиями рабочим классом России.»

С немецкой действительностью и с тем, что происходило в Германии накануне прихода к власти фашистов, отцу пришлось познакомиться лично. В 1928 году он заболел тяжелой формой диабета, и болезнь так прогрессировала, что доктора и партийное руководство сочли необходимым отправить его на лечение за границу, в клинику знаменитого профессора Нордена в Баден-Бадене.

Несмотря на то, что отец хорошо говорил по-немецки, было решено отправить его с сопровождающим — красивым рослым латышом, фамилию которого мы, дети, не знали и называли между собой Карлушей. Так звал его и отец.

Ехать отцу пришлось под чужой фамилией — Коренева Дмитрия Алексеевича, так как среди эмигрантов, которые во время революции и гражданской войны следили в его адрес проклятия, а другие, как, например, Деникин, грозились повесить его на первом московском фонаре в случае свержения Советской власти, нашлись бы охотники расчислаться с ним за границу.

В клинику профессора Нордена отцу пришлось ехать и в 1929 году, но если в первый раз он как-то мирился с необходимостью лечиться и временно расстаться с любимой работой и родиной, то во второй — он буквально изнывал от тоски и безделья.

В письмах за июль 1929 года он пишет домой:

«Сокращаю я тоскливые минуты обильным чтением и чертовски хочется писать... можно бы и работать, но — я плохо здесь владею... русским языком. Мне нужно купаться в стихии языка, чтобы легко пи-

салось. Здесь же все время немецкая речь лезет в голову... Понимаешь, жизнь здесь так стабилизировалась, зашаблонилась, все в такой пригонке одно к одному, что нет места никакому свободному выверту. Нет, у нас все-таки веселее в смысле изобретательства, выдумки, неожиданностей. Начинаю понимать рвущихся обратно в наши палестины.»

Но, побывав в Берлине на одном международном форуме, он вдруг загорается:

«Заметь: ни много, ни мало пройдет времени, года три — и уламывать меня будут, чтобы я в Германию ехал на тот или другой съезд, потому что говорить я буду не по-русски, а по-немецки, и уж говорить буду — будь спокойна. Весь зал у меня будет по полу кататься...»

Словом, поживем, увидим. Меня просто забавляет эта возможность — ораторствовать по-немецки. У каждого свои странности. Пусть это будет моей странностью, моим чудачеством. Поучительным для многих.»

Поэт посещает Гамбург, Дрезден, Берлин и другие города, видит много интересного и поучительного, но желание одно — скорее домой, скорее за любимую работу.

В одном из немецких городов отец заметил, что его преследует какой-то господин в темных очках. Крутятся по незнакомому городу, всячески стараясь оторваться от «хвоста», поэт на ходу помал голову, почему за ним следят. В конце концов в одном из туликов, где почти не было людей, господин в темных очках наконец догнал отца и, подняв их на лоб, радостно заорал: «Демьян! Да откуда же ты здесь взялся?! Ну и тикаешь, як коняга!» «Хвостом» оказался старый знакомый, партийный работник, который представлял здесь Советскую страну на одном из международных форумов.

1983, 8 апр

После смерти отца, который назначил меня своим душеприказчиком, я обнаружил в его архиве любопытную книжку. Необычность ее не в том, что она представляет ценность как редчайший экземпляр уникального издания, за которыми, например охотились страстный библиофил и большой знаток книги, известный эстрадный артист Н. П. Смирнов-Сокольский — большой друг отца и в какой-то мере его ученик по собирательству книг.

Книга, о которой я рассказываю, представляет собой скромное малоформатное издание «Гамлета» Шекспира, выпущенное в 1896 году в Киеве. В конце книги вклеено несколько страниц, исписанных рукою 15-летнего Ефима Придворова, ученика Киевского военно-фельдшерского училища. Так вот, на этих вклеенных страницах рукою юного Ефима Придворова переписана статья столь же юного Анатолия Луначарского, которую тот написал весной 1892 года. В статье будущий нарком просвещения дает краткую характеристику личности Гамлета, свое восприятие этого образа. Она называется «Ответ моему другу Козыреву» и написана живо, в искрометной манере, всегда свойственной Луначарскому. Где была напечатана статья? Откуда списал ее Придворов? Никто из литературоведов пока не знает. После статьи идут рассуждения самого Ефима Придворова о вечных темах: жизни, любви и смерти, навеянные «Гамлетом» и статьей Луначарского. Статья Луначарского о личности Гамлета кончается так: «И «милый принц» умер. Да и как бы он жил? Разве живут люди, не имея почвы под ногами? Разве может жить одна голова без тела?»

Вот об этом — о раздвоенности Гамлета и других вопросах, поднятых Шекспиром, и думает недавний деревенский мальчишка.

После долгих, иногда путаных мыслей он задает себе вопрос:

«Что такое счастье? — только душевный мир?» и отвечает сам себе: «Нет! Счастье есть удовлетворение всех высших стремлений и страстей человека, не исключая и стремления к борьбе». И заключает: «От исхода борьбы зависит прогресс человечества, а следовательно наше счастье.»

Запись завершается карандашной пометкой: «Кончил, 1898 год, мая 20-го дня, в 7 ч. утра. Пароход. Ефим Придворов». Видно, отпустили ученика на каникулы, и он поплыл в родную деревню.

Вот так на страницах маленькой книжки встретились впервые образованнейший человек своего времени, будущий нарком просвещения А. В. Луначарский и будущий пролетарский поэт Демьян Бедный. Будущие соратники и друзья.

Дмитрий ПРИДВОРОВ

13 апреля исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося

поэта-коммуниста Демьяна Бедного (Ефима Алексеевича Придворова).

Страстный агитатор и публицист, бессменный сотрудник «Правды», Демьян Бедный использовал

в своем творчестве все жанры боевой оперативной поэзии, неся в массы живое слово партии, «воспламеняя бойца для битвы»

в годы гражданской и Великой Отечественной войн. Прекрасно написанными, меткими,

бьющими в цель называл произведения поэта В. И. Ленин.

«Певец рабочей массы» Демьян Бедный был активным борцом за создание социалистического искусства,

неразрывно связанного с жизнью народа.

Его поэтическое наследие и ныне сохраняет силу и действенность испытанного боевого оружия.

Воспоминаниями о поэте сегодня делится с читателями «Литературной России»

его сын

Дмитрий Ефимович ПРИДВОРОВ.

КАЖЕТСЯ, чего проще — писать воспоминания. Ничего выдумывать не надо. Никаких вычурных сюжетов не требуется. Садись и пиши о том, что помнишь! И тут возникает главная сложность — тщательно отобрать лишь то, что может вызвать живой интерес современника, а порой принести ему пользу. Одни факты я черпаю из памяти, а другие как секретарь комиссии по литературному наследству Демьяна Бедного — из его личного архива.

В воспоминаниях отец предстает передо мною удивительно энергичным человеком — постоянно работающим над стихами и статьями, спешащим на выступления и встречи, горячо обсуждающим с друзьями те или иные события жизни. Годы-то какие кипучие были! Но часто я вижу его и за чтением. Читал он много. Книги любил страстно. Не случайно, что его богатейшая библиотека, переданная им затем государству, составляла около 45 тысяч томов.

Кроме громадного количества советских газет и журналов, отец получал еще и многие зарубежные издания. Из них он черпал факты для своих острых и ярких пропагандистских произведений.

С содержанием материалов из буржуазных газет отец иногда